
КРАТКАЯ РИТОРИКА, или ПРАВИЛА, ОТНОСЯЩИЯСЯ КО ВСЕМ РОДАМ СОЧИНЕНИЙ ПРОЗАИЧЕСКИХ.

ИЗДАННАЯ
для Благородных воспитанников Московского Университетского Пансиона
Профес. А. Мерзляковым.

Издание третье.
МОСКВА.
В Университетской Типографии.

1821.

Печатать дозволяется с тем, чтобы по отпечатании, до выпуска в продажу, представлены были в Ценсурный Комитет: один экземпляр сей книги для Ценсурного Комитета, другой для Департамента Министерства духовных дел и народного просвещения, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и один для Императорской Академии Наук. Москва, 1821 Февраля 28 дня.
Адъютант Словесных Наук, Надворный Советник и Кавалер Петр Победоносцев.

ВВЕДЕНИЕ В РИТОРИКУ.

§1. Под словом *речи* вообще понимается всякое словесное выражение наших мыслей и чувствований, расположенное в некотором определенном *порядке и связи*. Порядок и связь отличают искусственную речь от языка. Под словом языка, в пространственном смысле, понимать надобно все правила речи, составляющая теперь три особенные науки: *Логик*у, или *Диалектику*, которая учит думать, рассуждать и выводить заключения правильно, связано и основательно; – *Грамматику*, которая показывает значение, употребление и связь слов речей, – и *Риторику*, которая подает правила к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи, сообразно с видами каждого особенного рода прозаических сочинений.

§2. И так Риторика, принявшая во всем ее пространстве, заключает в себе *полную теорию Красноречия*. *Красноречие*, как обыкновенно понимаем, есть способность выражать свои мысли и чувствования на письме или на словах правильно, ясно и сообразно с целию говорящего или пишущаго. Древние под именем Красноречия разумели единственно искусство Оратора; а под именем Риторики – правила, служащая к образованию Ораторов. Теория прочих прозаических сочинений была предметом их Диалектики и Грамматики.

§3. Цель Риторики, как теория всех прозаических сочинений, не ограничивается *убеждением и доказательством*. В противность древним и некоторым новейшим Учителям, мы понимаем под сим словом науку научать наш разум и занимать воображение, или трогать

сердце и действовать на волю. И так искусство *начать, занимать, трогать, доказывать* составляет предмет всякого прозаического Писателя.

§4. *Смысл*, или *чувство и выражение* оных составляют сущность речи, и должны быть в надлежащей связи точно так, как душа и тело. То и другое, как материя и форма, служит предметом Риторики, которая впрочем не простирает своих исследований до мыслей и до слов, представляя это Логике и Грамматике. Она более смотрит на *красоту и стройность* сочинения, т. е. она учит мысли, правильно обдуманная, и по правилам Грамматики выраженные, представляет в виде изящном и соответственном каждому роду Красноречия.

§5. Некоторые под именем Красноречия понимают стихи и прозу, разделяя таким образом всю науку Словестности на два рода, на искусство прозаическое и на искусство стихотворное. Сие разделение основано не на одной наружной форме того и другаго рода; оно зависит от существенного различия предметов и цели, которые предполагают себе Оратор и Стихотворец: одного намерение научить, а другой имеет в виду особенно – удовольствие.

§6. Есть люди, которые отличаются каким-то природным красноречием; они никогда не учились правилам Риторики, но, имея здравой разум, живое чувство, вкус и легкость в языке, выражают свои мысли ясно и в таком порядке, который совершенно соответствует их цели. Сия, частью от Природы получаемая, частью воспитанием, обращением и

чтением образованная, способность обеспечивает успехи предлагаемого нами искусства, и сама приобретает посредством правил новой блеск, силу и совершенство. От всякаго Писателя требуется, чтоб он со всех сторон осмотрел предмет своей речи, чтоб он каждую минуту обладал самим собою, чтоб сам был уверен в причинах и доказательствах, которыя предлагает другим, и чтоб наконец сам был живо проникнут чувствованиями и страстью, которую намерен возбудить в сердце читателя.

§7. Польза Красноречия очевидна для каждого, кто обращает внимание на его существо и цель. Ни одна наука не имеет столь великого влияния на душевные наши силы. Как Изящное Искусство, Красноречие пленяет наши сердца и воспламеняет воображение; этаго мало: будучи разсматриваемо в собственных своих пределах, оно способствует к разпространению познаний, к открытию новых истин, и всем вообще наукам доставляет новыя достоинства и прелести. Посредством его не только мысли и познания, но самые чувства, склонности и страсти людей, нам неизвестных, отдаленных от нас веками, становятся нашими собственными, современными. Оно научает нас избирать предметы, разбирать их, и описывать прилично и связно; оно дает самой истине большую силу убедительности, и самым страстям больше выражения и трогательности; оно образует наши нравы.

§8. Красноречие обращается в искусство безнужное и вредное, когда оставляет благородную цель свою, т. е. когда оно устремлено будет не к выгодам истины и добродетели, но к распространению заблуждения и пороков; когда оно решится защищать правила и мнения, противныя чистой

нравственности, или будет одевать предметы, сами по себе пагубные и соблазнительные, в одежду приятную и благовидную, чтобы заманить в свои сети неопытный и ослепленный ум читателя, или слушателя. И так не Красноречие, но его употребление навлекло на себя справедливыя укоризны в древности и в новейшия времена; злоупотребление всегда будет нарицаемо, между тем как наука безпрестанно приводится к совершенству, безпрестанно сияет в новом немерцающем свете.

§9. Для образования истинного Оратора и для приобретения надлежащего успеха во всех прозаических сочинениях не довольно одних правил Риторики. Для сего необходимо нужно познакомиться с лучшими образцами искусства, как между древними и новейшими произведениями. Молодой благоразумной питомец Муз, занимаясь чтением лучших Авторков, видит, каким образом доставили они бессмертным своим сочинениям истинную красоту, совершенство и подлинную классическую важность. Внимательное изучение Писателей подает нам случай узнать собственной их характер, и возбуждает в нас благородное стремление к подражанию. Таким образом, чрез непрерывныя упражнения в Красноречии и чрез образование своих способностей, приобретаем мы большия силы, вернейшее чувство *изящного* и *доброго*, и быстрейший взор для отличия погрешностей.

§10. Изобретение языка и письма теряется во мраке древности. Начало Красноречия гораздо к нам ближе; оно предполагает уже некоторое образование языка и значительные успехи в устройении обществ. Первое Красноречие можно назвать свободным изливанием сердца,

покоренного невольным порывам чувствований и страстей. Первые Ораторы не обдумывали и не слагали речей своих по правилам Риторическим. *Соответствовать своей цели* – сие первое, существенное правило всех Риторик было тогда одним правилом, одною нитью, по которой Авторов располагал свое слово.

§11. Гораздо прежде появления прозаических сочинений Стихотворство было образовано, и пользовалось исключительно всеми правами на уважение; оно посвящено было знатнейшим историческим происшествиям. Ни один народ в древности не способствовал столько успехам Красноречия, сколько Греки. Блистательныя дарования, благородное чувство свободы, богатство и гибкость, Философия и Политика, все сие вместе устремлено было к одной цели, к образованию Ораторов. Не только Учители Риторики, но даже Грамматики и Философы занимались Теорию Словесного Искусства, во всем его пространстве. Греческие Писатели лучших времен обращали свое внимание столько же на слог, сколько и на мысли. Римляне были их счастливые подражатели, и в продолжение блистательной эпохи своей республики усвершенствовались не только практическую, но и учебные часть Красноречия.

§12. В так называемыя средняя времена всеобщий мрак, распростертый над науками, сокрыл от взоров последние следы Красноречия, которое лишено было вдруг всех своих способов: тонкий вкус, здравая Философия, основательное познание языка – все исчезло. Некоторые роды прозаических сочинений были совершенно забыты, другие весьма мало обработаны; всю ученость тогдашнего времени составляли тиранския схоластическия толкования Аристотелевых

правил. но как скоро дух древней Словосности получил новую жизнь; как скоро ученые обратились опять к древним языкам: тогда снова воцарилось и чувство красоты, начали подражать лучшим образцам, приводить в совершенство свой язык, и сделались гораздо внимательнее к правильности, выразительности и благозвучию языка. Таким образом образовался слог прозаический между новейшими народами, хотя Красноречие, принятое во всем его пространстве, никогда уже не могло возратить себе прежнего величия.

§13. Поэзия и Изящныя Искусства существовали гораздо прежде, нежели Пиитика и правила Искусств; подобно тому, как Красноречие гораздо прежде было известно, нежели начали преподавать об нем правила, которыя вообще почерпнуты из памятников, оставшихся от первых Ораторов. У Греков ослобиво блистательные успехи сего Искусства произвели многих Риторов, которые всеми своими открытиями в таинствах вкуса, всеми своими правилами, относительно к чистому слогу, обязаны верным своим наблюдениям и разбору лучших Писателей. Между Авторами, которые писали о Красноречии, и коих сочинений дошли до нас, заслуживают особенное наше внимание следующие: *Аристотель, Дионисий Галикарнасский, Гермоген, Автонус, Теон, Деметрий Фалерийский и Лонгин.*

§14. Рим, увлекаемый воинственным духом, долго не мог обратить своего внимания на искусства и науки; очень поздно уже начали учить в нем Красноречию словесно и писменно. В сем отношении прославились особенно *Цицерон, Квинтилиан* и неизвестный Сочинитель разговора *о причинах упадка Красноречия.*

§15. Из новейших Писателей, которые, по восстановлении наук, сочинили учебныя книги, касательно Красноречия, заслуживают нашу благодарность следующие:

На Латинском языке: *Фоссий* и *Эрнести*.

На Итальянском: *Беттинелли*.

На Французском: *Рален*, *Бюфье*, *Фенелон* и Издатель правил о чтении Ораторов.

На Английском: *Лаезон*, *Кампбель*, *Пристлей* и *Блер*.

На Немецком: *Готшед*, *Базедов*, *Миллер* и *Линднер*.

У нас, в России, *духовные Отцы* первые начали собирать Риторическия правила, следуя методе Греческих и Латинских Риторик. – Из светских Писателей имеют неоспаримое право

на признательность нашу: *Тредьяковский*, и особливо *Ломоносов*. – Риторика *Рижского* и благонамеренные труды *Шишкова* также достойны всякого уважения.

§16. Риторическия наставления в пространном смысле состоят частью из правил, которыя относятся к хорошему слогу вообще, частью из особенных рассуждений о каждом особом роде сочинений. Сии роды суть: а) *Письма*, б) *Разговоры*, с) *Расуждения* или *учебныя книги*, d) *История* истинная или вымышленная, и наконец е) собственно так называемыя *Речи*. Сообразно сему порядку мы расположим наши Риторическия наставления.

I.

ВСЕОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРОЗАИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ.

§1. Слогом, или стилем, во всех родах письменных сочинений называем мы словесную одежду мыслей и чувствований, какого бы она содержания ни были. Всякой слог имеет свой собственный характер. Различие в слогах происходит: 1. от характера Писателя; 2. от сущности материи, которую он избрал; 3. от цели, которую он себе предположил, и наконец 4. от расположения, в котором он пишет.

§2. Мы прежде видели, что цель каждого прозаического сочинения должна быть или нравоучение, или удовольствие, или возбуждение страсти. Цель сия одна и та же для всех родов сочинения; но намерение Писателя может действовать на ход и силу его творения, и слог изменяется. Сии изменения могут быть безчисленны. Не входя в подробность, мы полагаем здесь главные три рода слога: 1. *народной или простой*, 2. *средний или умеренный* и 3. *высокой*. Кроме сих может быть слог простой, блестящий, трогательный, цветущий, живописный и проч. Всякой из них болле или менее относится к вышеупомянутым трем родам.

§3. *Простонародному* слогу более свойственны: *ясность, легкость, чистота, краткость и точность*. Он удаляется всех пышных украшений, всего, что воспламеняет воображение и страсти; цель его – спокойное научение разума. Допуская иногда даже некоторую видимую небрежность, он имеет свою красоту и приятность; его правильное употребление предполагает в Писателе здоровой и основательной разсудок, тщательное разсматривание мыслей и чувствований. Таким

слогом пишутся особенно *учебныя книги и письма*, и потому его называют *догматическим* и *письменным*. Он иногда имеет место во свех других сочинениях, и даже в самих речах.

§4. Средний или умеренный слог отличается полнотою и богатством выражений. Возвышаясь весьма приметно над низким или народным слогом, он удерживается от сильных и смелых порывов высокого слога. Он позволяет себе некоторую меру Ораторских украшений, которыя должны быть больше приятны, на нежели блестящи, больше трогательны, нежели высоки; он не терпит чудеснаго и величественного, и чуждается слишком разительных и красивых мыслей и выражений. Таким образом сочинения, написанныя сим слогом, получают известную степень живости, привлекательности, силы. Часто самые низкие предметы, принадлежащие к народному слогу, заимствуют от него благородство и возвышенность. Обыкновенное место его во всех нравственных разсуждениях, важных и страстных письмах, прагматических повествованиях и в некоторых речах.

§5. Высокой слог принадлежит к собственно так называемому Красноречию или речам, в таком случае, когда требуют сего слога или величия предмета, или отменно живое чувство и возвышенность духа. Главныя источники сего слога суть: великия и необыкновенно благородныя мысли, сильныя, потрясающия движения сердца, пламенное воображение и гармоническое расположение слов. Все сие однако имеет влияние не на характер целого сочинения, но только на

некоторые его части; потому что новизна и разительность возвышенных предметов, точно также как и живое чувство сердца и фантазии, не могут быть непрерывными, но встречаются случайно.

§6. Сим трем родам хорошего слога противопоставляется столько же *дурных*. Молодые писатели, неопытные в таинствах вкуса, не имеющие надлежащего познания о правилах и образцах, часто впадают в погрешности. Простонародный слог в руках таких учеников становится низким, слабым, сухим, детским, или изнеженным. Средний слог, без строгого надзора критики, теряет свою стезю, и превращается или в возвышенной, или в низкий, и то и другое не в своем месте, без надлежащего отношения между предметом Писателя и его намерением. А высокой слог, чуждой вкуса, несогласный с своей целью, делается напыщенным, бессмысленным и темным; лишенный чувства и мыслей, становится ненатуральным и холодным.

Я кратким быть хочу; нельзя понять меня;
Приятность, легкость есть, нет силы и огня.
Желая воспарить, в бессмыслице теряюсь,
Хочу исправным быть, и в прахе пресмыкаюсь.
Я щедр на вымыслы; но чтож в моих стихах? –
Гуляет кит в лесу, играет вепрь в волнах!
Боясь одной беды, в другую вязну боле.

Гораций. Письмо к Пизонам.

§7. Всеобщая или существенная свойства хорошего слога во всех родах прозаических сочинений суть следующие: *правильность, точность, пристойность, благородство,*

живость, красота и благозвучие. Первое из сих свойств, т. е. правильность, или исправность, принадлежит более к Грамматике, нежели к Риторике. Она состоит в совершенном согласии между выражением и мыслию, для которой выражение служит отпечатком, или одеждой. Правильность заключает в себе *чистоту* выражений, которая требует, чтобы мы, изображая нашу мысль, остерегались от всех слов и оборотов, чуждых нашему языку. Оба сии свойства хотя не могут быть главною целию Автора, но оне необходимы для хорошего слога.

§8. Поелику языку есть единственное средство для изображения наших мыслей и чувствований, то каждый Писатель прежде всего должен обратить все внимание на его свойства, его устройство, богатство, образованность. Кроме *аналогии*, или постоянных изменений языка, он должен смотреть на *употребление* онаго, от которого зависит связь известных звуков с понятиями, соединение слов и строение оборотов.

Для слов, как для вещей, есть жребий роковой:
Употребление играет их судьбой.
Оно их судья; оне – его созданье! –
Захочет, – и в чести; велит – он в изгнанье:
Неистовый тиранн, но свят его закон!

Все правила Грамматическая первоначально извлечены из употребления языка. И так смысл, в котором принимается каждое слово, оборот и состав речи должны непременно сообразоваться с общим употреблением, если только сие последнее не противно лучшим классическим Авторам, гению языка и духу настоящего века.

§9. Во всяком языке встречаются *СИНОНИМЫ*, или слова однозначущия. Впрочем сии слова никогда не значат совершенно одного и того же смысла: оне разнятся иногда степенью благородства, иногда своею определенностью, или границами значения. Свобода, свойственная употреблению, позволяет их часто с излишеством: тогда самое употребление становится подозрительным, и Автор прибегает к Грамматике; выбор его зависти от произведения слов, Синтаксиса и гармонии слога. Сверх того при употреблении синоним и оборотов смотреть надобно не только на то, чтоб в речи не было никакой тавтологии (тождесловия), но чтобы она имела надлежащую разнообразность, силу, живость, и соответствовала цели Автора.

§10. Мы заметим три главныя погрешности против чистоты и правильности языка. – Первая состоит в употреблении таких слов, которыя необыкновенны, т. е. или слишком странны, или слишком новы, или образованы несвойственно гению языка: это называется *барбаризмом*. – вторая погрешность состоит в несохранении правил Синтаксиса, и чрез то теряет смысл и порядок слов: это называют *солецизмом*. – Третья, когда употребляют слова и обороты не в том значении и смысле, которыя собственно им принадлежат; сему пороку противопоставляется *точность выражений*. Сюда же относятся *идиотизм* и *провинциализм*, когда мы употребляем слова и обороты в таком значении, которое, не будучи всеобщим, свойственно какой-нибудь провинции, или какому-нибудь наречию. Употребление слов, взятых из чужаго языка, называется или *Грецизмом*, или *Латинизмом*, *Галлицизмом* и проч.

§11. Самое существенное свойство стиля есть ясность. С каким бы намерением Автор ни писал, какие бы ни были

его сочинения, всегда он должен так выражаться, чтобы его понимали; в противном случае все труды его потеряны. Здесь Писателю одна Грамматическая исправность не поможет: чтобы доставить сочинению надлежащую степень ясности, надобно избегать всех погрешностей, для нее вредных. Оне суть: темнота, двоемыслие и сбивчивость. Причиною сих погрешностей часто бывает излишнее старание быть исправным: – слабость, от которой не могли избегнуть многие превосходнейшие Писатели!

§12. Темнота стиля происходит от недостатка и неполноты варажений, или от неправильного расположения слов, которое нарушает связь между мыслями, или от неоднаобразного и одинакового употребления слов, в одном и том же периоде принимающих различныя значения, или наконец от излишняго изобилия местоимений и особливо охоты устраивать периоды. Такие же следствия производит привязанность к малоизвестным учебным и художественным терминам, и к продолжительным периодам. Желание быть кратким и глубоким, даже и при сохранении прочих достоинств стиля, может произвести темноту.

§13. Оборот речи становится двумысленным, когда можно растолоковать его не в одну, но в две и три стороны. Двоемысленность бывает или в словах, или в расположении целаго прериода. Первый случай встречается особенно в тех языках, которые не получили еще надлежащей определенности. Искусный Писатель те слова, которыя имеют сомнительное значение, употребляет там только, где место и связь выражений делают смысл совершенно ясным. Гораздо труднее избежать двумыслия в сочинении слов; поелику лучше обороты речи, находятся в периодической

связи одни с другими, могут быть расположены не одним, но разными способами, и всегда производят сбивчивость, как скоро читатель не проник намерения Автора. Чрез рачительное сохранение знаков препинаний можно избежать сей погрешности.

§14. *Сбивчивость* в слог есть совершенный недостаток смысла и ясности. Сей порок, будучи самым вредным, часто встречается в отличнейших Писателях. Он происходит от темноты и замешательства в мыслях, которыя не обдуманы и не расположены, как должно в голове нашей. Читатель с величайшим трудом должен отгадывать их ход, связь и взаимныя отношения, а часто и совсем ничего не видит. То же самое производит страсть к новым украшениям, когда мы, гоняясь за фигурными выражениями, выбираем такія слова, которыя имеют отдаленное, или слишком скрытое отношение. Я не говорю о последнем источнике всякого безсмыслия. Это совершенная тупость или разсеянность писателя, который совсем не думает о том, что говорит, или пишет.

§15. *Соответственность* стиля заключается в соблюдении отношений между словами и оборотами, и между тоном целого сочинения. Все сие притом должно быть приспособлено к особенному намерению того, кто говорит или пишет. И так всегда наблюдать должно: а) одно только то, что употребительно в общесте или свойственно языку; б) что прилично предмету и цели; в) натуральное и простое; д) надлежащую определенность выражений, относительно к ним самим и к мыслям, которыя Автор посредством их объясняет. Сохранение всех сих свойств можно назвать одним словом *точностью*. Она избегает всего излишняго и растянутого, наблюдая везде благоразумную *краткость*.

§16. Ко всеобщим качествам хорошаго слога принадлежит также его *достоинство* или *благородство*. Нодобно стараться присвоить себе навсегда мысли и чувствования людей образованных, имеющих здравый вкус. Все неблагопристойное, низкое, неприличное, так как и пустая напыщенность и высокопарность, оскорбляют нежность читателя.

§17. Живость слога зависит частию от его ясности и точности, частию от живости воображения и чувствований. Она происходит от совершенного согласия между означающим и означаемым, между словами и идеями. И так выбор слов, их расположение и их благозвучность наиболее производят сию живость. Лучшие Авторы не только смотрят на слова, которыя они употребляют, но и на звуки, из которых сии слова состоят. Они стараются самым тоном слогов выражать предмет, особливо если сей предмет подвержен чувству слуха.

§18. *Слова* могут быть или *собственные*, или *несобственная*. В рассуждении собственных выражений ничто так не способствует живости слога, как их точность и определенность, относительно к мыслям и намерению Автора; при чем должно избирать не всеобщия или обукновенныя, но, сколько возможно, особенныя и одному только настоящему предмету приличныя выражения; таким образом слог становится более и более живописным в самом простоте и краткости своей.

§19. Особенное внимание должно устремлять на употребление несобственных или фигурных выражений, которыя служат не только для украшения и блеска речи, но

и для большого объяснения предмета, ими изображаемого. Их стараются изобретать с тем намерением, чтоб придать слову более живости, т. е. действовать на все умственные силы нашей души, особливо на воображение и чувство. И так при выборе фигур замечать должно те образы или изменения, которые заключат в себе более живописи или разительности. Главные выгоды, получаемая от фигур, суть следующая: обогащение языка, его достоинство и сила, приятное занятие для воображения и остроумия, и наконец живость и разительность мыслей.

§20. Обыкновенно разделяют фигуры на два рода: на *обороты слов* и на *обороты предложений*. Первые касаются до одних слов, и состоят в переносе собственного значения в ближайшее несобственное; другие относятся к целым периодам, и зависят от изменения хода чувств и мыслей. Сие разделение весьма неопределенно и недостаточно, ибо кто может исчислить все переменные движения души и тела? Поелику все фигуры действуют или на ум, или на воображение, или на чувство: то мы разделим их на три главные класса, и скажем о важнейших в каждом классе.

§21. Хотя остроумие и пронизательность принадлежат собственно к высшим силам ума, однако они сказываются и в Изящных Науках: первое сравнивает, другая отличает самые тонкие оттенки чувственных предметов. Как вспомогательное средство к возбуждению внимания и к удержанию его, полезно между фигурами особенно *сравнение*, которое два предмета, по их ближайшему сходству, ставит вместе, дабы один из них, или оба сделать прелестнее и трогательнее. Сравнение отличается то примера и подобия тем, что оно действует более на

воображение и разум, и всеобщия истины, посредством некоторых случаев, особенных и известных, представляют в яснейшем свете и большей силе. Сюда принадлежит *противоположение* или *антитеза*, когда две противные друг другу вещи, или понятия сближаются, чтобы смотреть на них с одной точки зрения.

§22. Ко второму классу фигур, которых действие простирается на силу воображения, принадлежат так называемые *тропы*, или такие фигуры, в которых вместо понятия, собственно соединяемого с каким-нибудь словом, употребляется другое ближайшее понятие, дабы доставить предмету более живости и прелекательности. Сия прелекательность, заключенная в удовольствии сравнения, в разнообразии и новости, есть без сомнения главное достоинство тропов, которых начало надобно искать в природе и постепенном распространении человеческих познаний, в силе воображения и даже в недостатках языка. При изобретении тропов наблюдать должно правильное и ближайшее отношение между сравниваемыми понятиями, хотя бы оно было очевидно или скрыто, и состояло в подобии или противоположении. Каждый язык, в разсуждении тропов, имеет собственной способ употребления, и от того часто случается, что тропов одного языка нельзя перевести теми же тропами на другой язык.

§23. К самым употребительным и прекраснейшим тропам принадлежит *метафора*, которая, вместо одного, не столь живаго, не столь приятного значения, присваивает слову другое, более живописное и прелекательное. Она основывается на сходстве, и производит образ. Сие значение не поставляется в сравнении с тем понятием, которое оно

живописует, но действительно и непосредственно занимает его место. Метафора заключается не только в одном, но и во многих словах, чрез что бывает гораздо живописнее. При ее помощи не только всеобщия и отвлеченныя понятия, но и самые чувственные предметы принимают новый вид. Она должна иметь, так как и все тропы, надлежащую степень вероятности и разительного сходства, сообразно с правилами фигурного языка. Лучше заимствовать ее всегда от предметов известных; она должна быть определена, полна, благоприлична, нова, непротивна вкусу. Главное свойство сей фигуры есть без сомнения единство, которое состоит в том; чтобы не смешивать разнородных образов между собой, и не соединять вместе выражений собственных с несобственными. Метафора, продолженная многими одного рода изображениями украшенная, называется *аллегориею*, которая должна отличаться ясностью и точностью подобия во всех подробностях сравниваемых понятий.

§24. Другие тропы основываются не столько на сходстве, сколько на содержании и отношении между предметами, из которых один ставится на место другого. Сюда принадлежит метонимия, которая, заметив наружния, необходимая, или случайныя отношения двух понятий, употребляет одно вместо другого. Сии отношения суть: причина и действие, предыдущее и последующее, начало и произведение, орудие и то, что имеем сделано, знаки и то, что ими означаетя, место и то, что в нем находится, время и все, что может случиться в продолжении онаго. *Синекдоха* напротив того имеет основание свое на *внутреннем* содержании предметов, и заключается в большем или меньшем пространстве значания слова. Она полагает часть вместо целаго, род вместо вида, вид вместо неразделимаго, и оратно. При употреблении обеих фигур

наблюдать надобно то же, что сказано о метафоре, т. е. благоприличие и вкус.

§25. К фигурам, действующим на воображение, принадлежит еще *апострофа*, или обращение говорящего лица к предметам отсутствующим и неодушевленным, так как бы они были перед нами и имели жизнь. Употребление сей фигуры предполагает всегда в читатели или слушателе особливую силу воображения и страстей; она никогда не может быть продолжительна. Еще более действует на воображение *прозопопея*, или одушевление, когда мы безчувственному предмету сообщаем жизнь, разсудок, действие и чувство, и в то же самое время, посредством апострофы, обращаем к нему слово, или представляем его самого действующим, слушающим, или говорящим. Во всех Риториках найдем мы весьма много оборотов, относящихся более или менее к сим фигурам; но всегда мера их и продолжительность их зависит от меры, до которой растрогано воображение и воспламенены чувства.

§26. Из фигур третьяго рода, которыя служат к возбуждению или утолению страстей, и доставляют сочинениям какую-то особенную привлекательность, знатнейшая суть те, кои действуют посредством новаго и необыкновеннаго. – Таковыя *анафора*, *еллифора*, или частое в конце или в начале предложений повторение одних и тех же понятий и выражений, для того чтобы сделать их заметнее и сильнее. Подобное влияние на речь производит *изменение*, или такой оборот речи, в котором отстывает она от обыкновеннаго порядка, или выпускает некоторыя нужныя связи и слова. Очень много родов и сей фигуры. Они известны в Риториках. – Упомянем еще постепенность или

восхожденей, в которм слова и понятия постепенно получают большую силу, достоинство и разительность, так что вместе с ним возвышается чувство читателя или слушателя.

§27. Мы прежде видели, что душа получает приятныя впечатленя не только от сходства предметов, но и от противоположения; на сем имеет основание *ирония*, забавный оборот речи, в котором всегда понимается противное тому, что означает собственной смысл выражений. Сюда же принадлежит *гипербола*, в которой, сообразно с страстью и намерением Автора, предметы или увеличиваются, или уменьшаются более обыкновенной меры.

§28. Хотя, по-виимому, устройство фигур и тропов есть искусственное; однако оне не искусству обязаны своим началом. Их происхождение заключено во врожденном ума человеческого стремлении живописать предметы, потверженные чувствам, и сверх того в недостаткеслов, которой по необходимости должен был встретиться в первобытных языках. Большая часть фигур и тропов равно принадлежит всем народам и всем векам. Мы уже прежде намекнули на их пользу: оне обращают внимание читателя на важнейшия обстоятельства предметов; оне самым отвлеченным понятием доставляют некоторую степень чувствительности, делают их приятнее и занимательнее, оживляют вещи неодушевленные, и самым одушевленным всегда придают более жизни и прелести. Употребление фигур должно быть умеренно, весьма осторожно и сообразно с целью Автора; оно зависит от его характера, от существа описываемых предметов. Более всего надобно избегать *роскоши в украшениях*.

§29. Красота или изящество сочинений состоит особенно в приятности и соразмерности наружных форм слога. Здесь понимается расположение и сочинение слов. Критики обыкновенно различают *естественной* порядок слов, которой следует верно и точно за порядком мыслей, от Грамматического порядка выражений, которой весьма редко соображается с первым, и во всех языках имеет свои собственные правила. Приняв сие за основание, должно положить, что те языки гораздо совершеннее, которые, сообразно стремлению и страсти говорящаго, изменяются непрерывно в ходе, в расположении и связях. Это можно почесть особливим преимуществом языков Греческаго, Римскаго и Славянскаго, которых гений позволяет себе многие обороты и перемены; из новейших языков Российской и Немецкой особенно ими богаты.

§30. Красота слога заключается не в одном только расположении слов, но и в расположении целаго сочинения, в правильной и последовательной связи частей, его составляющих. Здесь прежде всего представляются вниманию нашему прстыя *предложения* и *периоды*, из них составленные. В превых наблюдать должно место и порядок каждаго слова; в других место и порядок каждаго предложения, которыя, будучи расположены в надлежащей связи, и устремлены к известной цели, составляют полной смысл. Особенный характер преиодв состоит в том, что, читая его, нельзя остоновиться до тех пор, пока совсем его окончишь, и поэтому они сравниваются с оборотом или кругом. – В отношении к сим двум родам речи, самый слог бывает или отрывистый, или периодический.

§31. Отрывистый слог состоит или из простых, отдельных,

независимых друг от друга предложений, которые имеют подлежащие и сказуемое, или из сложных предложений, которые имеют свои отдельные члены, заключающие в себе особенной полной смысл. Отрывистой слог обыкновенно употребляется в разговорах, в изображении сильных страстей и в кратких повестях. Он придает мыслям и выражению особливую быстроту и живость. В больших сочинениях надобно, чтобы сей слог был преремешан с пререодическим; в противном случае он легко может утомить читателя, и быть совершенно противным здравому вкусу, особливо если к тому присоединится суетное желание Автора блистать безпрестанными противоположениями, соответствиями, натянутой соразмерностью и другими мелкими украшениями.

§32. Слог *периодической* имеет более полноты и пространства; он обнимает предмет со всех сторон, и все силы, разделенная в отрывистом слоге между многими членами, соединяет в одну точку; он придает речи более достоинства и выразительности. Надобно, чтобы главные части, составляющая период, были на своем месте, не слишком распространены, не смешаны: ясной порядок и очевидное отношении между частями составляют главную красоту периода; сверх того члены его должеы быть расположены в некоторой соразмерности, т. е. иметь надлежащее соответствие в своей продолжительности и в своих формах. Так называемая вставочная предложения затемняют смысл; и поэтому лучшие Писатели не стараются с излишком наполнять ими свои периоды. Характер Автора и мера его чувствований, сущность и важность предмета, им описываемого, одне могут определить место для слога периодического и отрывистого.

§33. В периоде всегда находится переход от подлежащего к сказуемому, которое присвоивается превому или отрицается. Сей переход от одной главной мысли к другой заключает в себе или причину, или условие, или определенность времени, или сравнение. Обе части преиода называются *предыдущим* и *последующим*. При соединении предыдущаго с последующим употребляются известная слова или частицы речи, например, в доказательстве: *поелику – то*; в условии: *если – то*; в изяснении последования: *когда – тогда*; в уступке: *хотя – однако*, или *но – и прочее*.

§34. Сущесвенная качества красивого преиода суть ясность и точность в понятиях и выражениях; а сие предполагает хороший выбор, порядок и расположение. – *Единство* преиода требует, чтоб все его части составляли одно целое, чтобы между ими сохранено было очевидное соотношение, и чтобы все оне наконец имели одну главную цель и надлежащую полноту. *Сила* и выразительность преиода зависит от того, чтобы мы избегали всего излишняго в мыслях и выражениях, имели пред собою всегда главный предмет, наблюдали приятную постепенность между всеми членами, и сохраняя верную связь, доставили периоду сверх того все прелести и благозвучие.

§35. *Благозвучность* речи может быть двух родов: одна заключается в звуках слогов и речей, другая в целых предложениях и периодах. Превая состоит в том, чтобы слова в самых тонах своих составляли отголосков мыслей, и имели некоторое сходство с предметами, которые они представляют. Это относится к вещам, подверженным чувству слуха. Сюда же принадлежат движения слога, его случайная изменения, легкость или важность, бастрота или

медленность; все это может быть выражено ходом речи, искусственным соединением слов и самих слогов. Труды и тщательность Автора в сем случае не всегда помогают; живость чувствований может непреметно сообщать слогу все изменения, сокрытыя во глубине души нашей.

§36. Чтоб доставить речи всю возможную приятность звуков, надобно избегать слогов жестких и тяжелых, сколько это позволит язык. Ничто так не оскорбляет слуха, как продолжительное последование слов односложных, или беспрестанное употребление слишком многосложных и тяжелых. Сюда принадлежит монотония и утомительное для слуха стечение гласных или согласных.

§37. Другой род благозвучности или гармонии гораздо важнее преваго. Он состоит в соразмерном строении предложений и периодов, в искусственном расположении вставок и окончательных предложений. В приятности и в полноте членов периода. Это называется *Ораторским размером*. – Хотя проза не может иметь такой определенной соразмерности в слогах, и стольгармоничекаго порядка в предложениях, как Поэзия; однако она получает гораздо большую выразительность и силу от стройнаго, исполненнаго взаимных соответствий, расположения слов и целых преиодов, котрое прозводит приятное впечатление в слухе.

Во всех сих случаях врожденное чувство к изящному и здравый вкус гораздо более могут помочь, нежели все теоретическия правила, хотя сии последния, будучи соединены с изучением образцов, необходимы для всякаго, кто хочет достигнуть совершенства в слоге.

§38. Навык и отличное искусство читать сочинения весьма много споспешествует приобретению гармонического слога. Молодые любители Словесности не должны пренебрегать сим искусством, которое, кроме сказанной нами очевидной пользы, составляет удовольствие образованного общества. Нет ничего несноснее чтеца, который, не умеет сохранить силы сочинения, иногда ослабляет его, иногда выражает совершенно противно главным его видам и тону. Кроме ясного, чистаго и гибкаго выговора, в хорошем чтении необходимо правильное наблюдение словоударений, быстроты или медленности слогов, остановок на знаках и при вставочных предложениях, в их различной соразмерности, и наконец щастливое образование голоса. При сем случае надобно смотреть на характер сочинения: ибо все роды Словесности, относительно к существенным своим отличиям, требуют или легкаго и смелаго, или робкаго, или историческаго, или безпрестанно изменяемаго разговорнаго, или наконец величественнаго и страстнаго Ораторскаго произношения.

II. ПРАВИЛА О СОЧИНЕНИЯ ПИСЕМ.

§1. Письмо есть не что иное, как письменная речь одного лица к другому отсутствующему; оно заменяет недостаток словесной речи, которую можно бы было обратить к сему лицу, когда бы оно было в присутствие. И так переписка есть письменный разговор между отсутствующими лицами. Все правила для писем основываются на языках и тон словесного обращения в различных обстоятельствах и случаях жизни.

§2. Существенное свойство хорошаго письма есть легкое, простое, благородное и безискусственное изяснение наших мыслей. И так письма вообще более, нежели другой какой род прозаических сочинений, принадлежат к простому народному языку. Способность писать хорошо письма приобретается рачительным наблюдением языка общественного, употребляемого в образованном обращении. Письма изменяют свой тон, сообразно намерению и содержанию оных, сообразно содержанию наших чувствований, характеру и званиям тех лиц, к которым пишем, и отношению, какое между ними находится. Все это производит безличное множество различий в языках и в расположении письменном.

§3. Поелику письменное изяснение наших мыслей предполагает более труда, более размышления, нежели словесное: то письма не во всем должны следовать совершенно языку разговорному. Оне избегают слишком обыкновеннаго, небрежнаго, от частаго употребления состаревшагося образа выражаться. В простых разговорах простительны такие обороты; но в письмах, котроья

читаются с большим вниманием, нежели речь, в минуту родящаяся и исчезающая, терпеть их не можно. Мы сказали, что письма должны быть писаны легким и естественным слогом; следовательно ясность и точность составляют их главное достоинство.

§4. Этого требует цель их, которая состоит в том, чтоб сообщать другим свои мысли и чувствования в надлежащей связи и порядке. Наши мысли и представления должны соответствовать предметам, о которых идет дело; наши слова и образ выражения должны быть согласны с нашими мыслями и чувствованиями. Один тонкой вкусу, образованный в лучших обществах, может сохранить все сие приличия.

§5. Содержание писем столько же многообразно, сколь многообразно может быть намерение и отношение между лицами, имеющими пререписку. Иногда мы уведомляем другаго о каком-нибудь случае или обстоятельству; иногда изъявляем ему свои желания или советы; иногда предметом писем бывает простая только учтивость. Часто ведем переписку по званию своему или должности, по родственным и дружеским связям. Часто письма касаются гораздо важнейших предметов: оне заключают в себе изыскания историческия, или ученые рассуждения о науках и искусствавах; сухая, отвлеченная метода Логики получает чрез то более живости и приятности.

§6. Сколь многообразно содержание писем, столь многообразны и правила писать их. Заключают ли оне

простой рассказ: тогда требуют точности, порядка, краткости и полноты; состоят ли оне в просьбе, в убеждении, в оправдании: тогда образ выражения нашего и способ доказательств должен быть силен и трогателен; заключают ли оне учтивость: тогда должны они отличаться, соответственно нашему званию и отношениям, благородством, скромностью и выразительностью. В письмах, относящихся к должности нашей, требуется особенная основательность в мыслях, верность и исправность в выражениях. Изъяснение друзей дышет взаимною доверенностию, простотою и сладкими чувствованиями сердец, преданных друг другу. В письмах ученых должно удаляться, сколько возможно, сухости и единообразия.

§7. Письма, служащая ответом, в содержании и одежде своей по большей части сообразуются с теми, на которыхя отвечаем. При сем случае, так как в изустных разговорах, вопрос и тон вопрошающего определяют и образ ответа. – Впрочем никогда не надобно забывать отношений между переписывающимися особами, особливо в суждении звания и чина; сверх того должно наблюдать, чтоб не был оставлен без внимания ни один пункт из письма вопрошающих; чтоб ответ располагаем был точно в таком же порядке, в каком сделан вопрос, если только это не будет противно естественной связи мыслей и обыкновенному ходу исторического повествования.

§8. Письма, в которых дышат особливья чувства или страсть, или которая касаются предметов, ближайших к нашему сердцу, требуют обыкновенно гораздо меньшаго труда, нежели те, которая заключают в себе холодную учтивость, или отношения к обстоятельствам общественной жизни. Главное отличие сих писем есть легкость и простота. Сердце, упоенное чувствованием, управляет пером нашим; выражения и обороты тем будут свободнее и правильнее,

чем живее наша страсть, чем быстрее чувство. Напротив того в письмах учтивых и политических мы по большей части принуждены бываем недостаток и сухость содержания заменять тонкостию или новостию оборотов и выражений. Иногда материя письма бывает тек малозначаща, что требуется со стороны слога всего благородства и достоинства, котораго она сама не имеет. – Это искусство приобретается большею опытностию и знанием своего языкаю

§9. Письма, в которых господствует шутка, остроумие, веселость или доверенность, предполагают в душе Писателя все сии свойства прежде, нежели они выльются на бумагу; они производят по необходимости тон шуточной, или остроумной, веселой, или доверчивой. – Для сего нет никаких особых правил; ибо сии правила гораздо легче чувствовать, нежели изъяснить. Нет ничего несноснее письма, которое наполнено шутками выисканными, остротами слишком учеными, странными или детскими, веселостию притворною и скучною, откровенностию болтливую или утомительною.

§10. Хорошее письмо требует конечно предварительнаго размышления, порядка и точности в словах; но оно удаляется всех искусственных *планов*, свойственных учебным книгам, мучительной школьной методы, расположения по правилам хрии, вступления, предисловия доводов, заключений и проч... Довольно для Автора письма, если предмет и намерение его хорошо обдуманно и представлены с надлежащей живостию и ясностию; довольно, если все части имеют друг к другу

видимое отношение. Правила для сего расположения бесчисленны и неопределенны; но все зависят от намерения того, которой пишет, и от сущности материи, состоящей содержание письма.

§11. Есть известныя формы или образы приветствия, употребляемые в начале, в конце, а иногда и в середине письма, которыя, будучи уродливыми детьми моды, общепринятою учтивостью обращения, сделались необходимыми, сколь мало оне ни соответствуют натуральному ходу слога. Надобно надеяться, что со временем письма будут свободны от сих оков, и заменятся другими выражениями учтивости, более сообразными с достоинством и легкостью тонкаго просвещеннаго обхождения. – Между тем потребно знать употребление и нынешних титулов. Общее мнение, общий способ выражаться непременно должен быть законом для всякаго.

§12. К образованию хорошаго письменнаго слога в особенности служит чтение лучших древних и новых Писателей. Между древними Писателями отличились в сем роде *Фалариси Либаниус*, из Римлян писали лучшие письма *Цицерон*, младший *Плиний* и *Сенека*. Последний заслуживает внимание более по содержанию писем, нежели по слогу.

§13. Собранія писем ни Италианском языке весьма

многочисленны; но редкия из них могут быть образцами в натуральном и легком слоге. Большая часть из них наполнена излишним щегольством в украшении; повсюду встречаем остроумие натянутое, видимой подбор замысловатых выражений и утомительную ученость. Из числа сих заслуживают исключение письма *Аннибала-Каро*, *Бернарда-Тасса* и Графа *Гоци*.

§14. Никто столько не отличился в искусстве писать письма, как Французы. Слог живой и легкий, нежность чувствований и выражений составляют особенныя черты их писем; вообще похваляются письма Маркизы *Севинье* к ея дочери и многия другия.

§15. Письма некоторых славных Англичан отличаются как по назидательному своему содержанию, так и по красоте слога; я упомяну здесь *Свифта*, *Поле*, *Грея* и их друзей. Сюда принадлежит великое множество вышедших и, по большей части, превосходно написанных писем, которыя Англичане, так как и Французы, весьма любят.

§16. Немцы весьма поздно начали писать письма со вкусом; потому что они слишком привязаны к обрядам церемониалам и к школьной методѣ. С удовольствием и пользою можно читать письма *Геллерта*, *Рабенера*, *Глейма* и *Винельмана*.

III. О ДИАЛОГАХ ИЛИ РАЗГОВОРАХ.

§1. Диалог или разговор есть взаимное изъяснение между двумя, или многими лицами; он есть письменное подражание разговора словеснаго о предметах важных и занимательных. Цель сего рода сочинений состоит в том, чтоб живее показать образ мыслей разговаривающих лиц; в хорошем разговоре вы видите их своими глазами, и характер их сам собою живописуется. Речь разговорная всегда имеет более живописи и убеждения, нежели повествование.

§2. Разговор бывает или драматической, и заключает в себе *действие*, которое имеет начало, средину и конец (об нем мы скажем в нашей Пиитике); или *философской*, котораго предмет – истина; или просто занимательный и живописующий, имеющий своею целию прелести остроумия, любопытныя картины Природы и изображения чрезвычайных характеров.

§3. Первое достоинство философских разговоров есть важность и богатство содержания. Оно должно быть таково, чтоб всякой испытатель истины нашел в нем достойную себя пищу, и чтобы оно достаточно было как для завязки, так и для развязки. Писатель разговора всегда имеет преимущество пред Писателем обыкновенных философских рассуждений: он может показать истину из разных точек зрения, не нарушая единства; он открывает причины, связь и состав мыслей с легкостию и живостию, опровергает предразсудки, разрешает сомнения, преодолевает все трудности быстрее, и притом с такою простотою, которая делает его понятным для всех. Самыя отвлеченныя материи

могут быть объяснены в виде диалога, который можно назвать разговором с самим собою, или последствием речей, принадлежащих к одному предмету. Другое лицо, предполагаемое в особе Автора, служит для того, чтоб подать случай к суждению, или обратить читателя на главную, или сомнительную точку предмета. Таким образом каждая речь содержит в себе или возражения или новыя мысли, или никонец совершенно уничтожает мнение, утверждаемое в начале разговора.

§4. Для лучших успехов в сем роде сочинений потребно представительное, основательное изучение тех истин, которыя хотим доказать, и сверх того нужно подробное сведение о свойстве и силах душевных, которыя, при рассуждении, имеют свой особенной способ понимать, прилично характеру лица говорящего. Сей характер должен быть выдержан от начала до конца разговора. Прибавьте к тому искусное расположение, натуральной порядок, легкой и свободной ход рассуждения; разговор делается чрез то более вероятным, более занимательным. В сем случае помогает нам сильнее Природа, нежели искусство.

§5. Есть разговоры, которые имеют предметом своим в особенности изображение характеров. В таком случае Писатель обязан сначала, как можно точнее, определить границы сих характеров; они должны быть отличимы не только в образе разговора, но в каждом движении, в каждом слове. Если сии лица взяты из Истории, то Автору ничего более не остается, как следовать свидетельствам Историка,

или мнению народа, общим согласием подтвержденному. Он должен внимательно замечать все отличительныя черты действующего лица, состояние, возраст, главное намерение, и собственный образ его мыслей; от этаго зависит тон разговора и самая продолжительность или краткость речей.

§6. От *положения*, в котором находится говорящее лицо, зависит, по большей части, живость и красота разговора, которой обыкновенно бывает тем прелестней, чем более трогательно его содержание; хорошо, когда оно драматическое и заключает в себе действие. Разговоры

становятся еще прекрасне, если лица представлены будут в противоположении. Щастливое обрабатывание сего рода сочинений предполагает всегда в Писателе дух наблюдательный, остроумие и глубокое знание человеческого сердца, соединение с безценным даром выражаться легко, натурально и разнообразно.

§7. Между древними Писателями отличились в сочинении разговоров слудующие: *Платон, Эсхин, Лукиан и Цицерон*; между новейшими: *Фенелон, Фонтенель, Вернет, Лорд Лительтон, Лессинг, Мендельзон, Виланд, Энгель* и пр.

IV. УЧЕБНЫЕ СОЧИНЕНИЯ.

§1. *Догматическими* или учебными сочинениями называем мы те, в которых предлагаются или доказываются истины общепользные, служащая к научению ума, или образованию нашего сердца. Сей род сочинений можно разделить на два разряда: на *разсуждения* и на *учебныя книги*. Первые занимаются обыкновенно одною отдельною истиною; другия представляют нам многия истины в связи и порядке.

§2. Отличительныя свойства слога сих сочинений суть те же, которыя приписали мы прежде слогу низкому, или народному. Если Писатель имеет главную своюю целию научение и убеждение разсудка; следовательно ясность и точность в мыслях и слог должны быть необходимым условием догматическаго творения. Все Ораторскія украшения, служащая к воспламенению страстей и воображения, не имеют здесь места. Впрочем, для того, чтоб сей слог не был слишком сух, однообразен и утомителен, позволяется Автору употреблять историческія отступления, примеры и описания характеров.

§3. Под разсуждением разумеем мы связное, стройное сочинение, в котром Писатель объясняет, или доказывает историческую или практическую истину. Сия истина должна иметь собственную важность, и может относиться к наукам, или к изслѣдованіям историческим, так как предмет защищенія, или опроверженія. Содержание разсуждений может быть столько же многообразно, сколь безчисленны предметы в Природѣ и науках. Самый способ сочинять их изменяется безпрестанно, по существу матерій, по

намеренію Автора, – и смотря по тому, требует более или менее остроумія, точности и строгости в изслѣдованіях. Разсужденіе, взятое в тесном смыслѣ, означает ту часть сочиненія, которая находится в серединѣ его, между началом и концем.

§4. С перваго взгляда видно, что Риторика может показать нам только форму, как располагать разсужденія. Все прочія правила, относящіяся к разбору, доказательствам и изложенію матерій, должна дать нам *Логика*. Она научает нас мыслить здраво, и показывает методу, соответственную каждой науке и каждой отдельной истинѣ. И так мы бы преступили границы, себе назначенныя, если бы здѣсь занялись подробным разсматриваніем того, что называется началом и существом доводов, предложеній, доказательств, философских преній и проч. Но поелику во всяком сочиненіи матерія и форма совершенно нераздельны, и зависят друг от друга: то мы упомянем здѣсь вкратцѣ от том, что оне имеют общаго между собою.

§5. Все *предложенія*, которыя служат предметом ученых разсужденій, могут быть разделены на два рода: на *общія* и *частныя* или *особенныя*. *Качества* предложенія, по которым оно бывает или утвердительное, или отрицательное, не могут иметь никакого особаго вліянія на слог Риторическаго, но производят только некоторыя случайныя формы для стороны защищающей и опровергающей. Во всех общих предложеніях надобно наблюдать полноту и точность отношеній между подлежащими и сказуемым: таковы

предложения философския, метафизическия и вообще матаматическия. Особенныя предложения напротив того имеют ограниченной и частной круг сказуемаго; оно предполагает некоторые роды и классы, и относится часто к известным лицам, временам, местам и пр. Таковы суть историческия изследования, предпринимаемая по особенному случаю для особенных предметов.

§6. Всякое рассуждение имеет предметом своим доказательство истины даннаго предложения: оно достигает своей цели посредством объяснения, раздробления и раскрытия всех понятий, заключенных в целом и в связи между частями; потом употребляет доводы, которые производят очевидность истины, утверждаемой или опровергаемой.

Лучшия и сильнейшия доказательства суть те, которыя почерпаются из самого существа и свойств доказываемой вещи. Кроме сих, они могут быть или историческия, или взятые из наук, или такія наконец, которых требуют выгоды самого того, кого убеждаем. Сии послѣднія называются побудительными, и берутся по большей части из общественной жизни.

§7. *Источники* доводов употребляемых в рассуждении или речи, весьма многоразличны. В общих рассуждениях заимствуются они от определения предмета, от главных свойств вещи, от обстоятельств предмета, или от его следствий, от способов, посредством которых он действует, от подобных случаев, от примеров, от противнаго, и наконец от свидетельств признаков, заслуживающих вероятие. В особенных предложениях лице, время, место, случай и проч.

суть обыкновенныя источники доводов. Сии послѣдние у древних Риториков назывались *общими местами*; они составляли в их науке собственно систему изобретения, которой правила более вредны, нежели полезны.

§8. Сверх того надобно смотреть на *достоинство* самаго предложения. От хорошаго выбора в сем случае зависит занимательность и щастливое расположение целаго. Предложения должны быть важны по своему влиянию; истина, точность, богатство и краткость суть необходимыя их свойства; чем более заключают они в себе сих свойств тем быстрее и надежнее действуют на внимание читателя, тем обильнее в доказательствах, тем удобнее для самаго Автора.

§9. Всякое рассуждение требует *плана*, или предварительнаго начертания, по которому все части его сохраняют свою взаимную связь и порядок. Сначала предлагается *вступленье*, которое, будучи взято из самой материи, ведет нас к ней натуральным порядком; потом следует рассуждение, или изложение самаго предмета посредством доказательств, примеров и проч. ; наконец читаете вы *заключенье*, в котором все целое представляется кратко, с большею живостью и разительностью: это есть послѣдний взор Писателя, который обнимает все вдруг и в надлежащей связи, согласно с его намерением. Все сии части рассуждения должны быть соединены искусными переходами от одной к другой.

§10. Когда догматическое рассуждение не ограничивается одною истиною, но имеет предметом своим послѣдствие многих истин; тогда происходят уже учебныя книги, или *системы*, в которых все части какого-нибудь искусства, или

науки представляются в таком порядке, чтобы они могли подкреплять друг друга, чтобы последующее зависело от предыдущего, и одно другим объяснялось. Здесь все доказательства и их начала могут быть иногда отвлеченные, иногда всеобщая, или на вероятности основанные положения, или опыты, самым событием подтвержденные. – Сообразно сему, самые системы бывают различных родов.

§11. Каждая учебная книга, относящаяся к искусству или науке, имеет свою определенную *цель*, которая зависит непосредственно от ее начал. – Сия цель должна быть столь очевидна, чтобы слушатель, или учащийся мог всегда обнять одним взглядом всю обширность предлагаемой ему науки; чтоб он знал подробно все ее занятия, отношения, потребности и пользу, и, так сказать, присвоил ее самому себе. – К сему способствует не только общее рассмотрение всех истин, положений, доказательств и следствий; но также их принаровление к другим наукам и случаям жизни, их связь между собою, и самая История успехов науки, к которым она принадлежит.

§12. При всем великом многообразии между науками и искусствами, нет нужды вымышлять отдельные для них правила в рассуждении *планов* и способа предлагать их. – Существо каждой науки, цель ее, нужды и способности тех, для которых назначена учебная книга: вот все, что может произвести некоторые изменения и отличия в ее расположении и ходе. – *Полнота, порядок, ясность и краткость*, – главные свойства всякой учебной книги. – О слоге народном или догматическом говорили мы уже прежде.

§13. *Метода*, которая употребляется во всех рассуждениях и учебных книгах, бывает двоякая: *аналитическая* и *синтетическая*. – Подробные объяснения того и другого порядка принадлежат к Логике. Первой стремится от частных замечаний ко всеобщим истинам; другой начинает всеобщими и многообъемлющими положениями, и пререходит к частным, в них содержащимися положениям. Метода аналитическая способствует особенно к скорейшему рассмотрению истины в таких случаях. Когда замеченное нами сходство между некоторым частями предметов ведет нас к общему заключению. Она есть метода изобретения. – Синтетическая метода напротив того более полезна в учении; потому что гораздо легче и скорее можно показать в одном всеобщем положении многие частные, его составляющие, нежели в частных случаях и предложениях открывать общее и новое. Мы не можем поместить здесь великаго множества древних и новых Писателей, отличившихся в сем род сочинений; довольно упомянуть о важнейших из тех, которых книгами и учеными рассуждениями пользуемся мы теперь. – Таковые из Греков: *Ксенофон, Плутарх, Аристотель* и *Лонгин*; между Римлянами: *Цицерон, Квинтилиан* и *Сенека*; между Итальянцами: *Махиавель, Гравина, Алгаротти* и *Беттинели*; из Французов: *Монтань, Фенелон, Сент-Эвремон, Фонтенель, Монтескои, Кондильяк, Бате, Гельвеций, Руссо, Вольтер, Дидерот, д Аламбер* и *Мармонтель*; между Англичанами: *Стиль, Адиссон, Локк, Лорд Болинброк, Шафтесбури, Юм, Джонсон*; из немцов: *Геллерт, Рабенер, Шлегель, Крамер, Лесинг, Виланд, Мендельзон, Сульцер, Циммерман, Эбергард, Кампе, Якоби, Гарве, Мейнерс, Шрекк* и пр. – Из Русских: *Тредьяковский, Ломоносов, Крашенников, Румовский, Гурьев, Барсов* и пр.

V. ИСТОРИЯ.

§1. Философ и Историк отличаются друг от друга тем, что один имеет в виду свою общую истину, а другой напротив того занимается отдельными случаями и происшествиями жизни. И так историческое повествование отличается от догматического, или от ученых рассуждений, тем, что последние имеют предметом своим умствование и предположения, а первое – деяние и приключение людей. История почти не обязана изыскивать и открывать причины происшествий; но она должна рассказать их в том самом порядке и связи, в какой они друг за другом следовали.

§2. Прежде нежели рассмотрим мы различные роды исторического повествования. Представим теперь некоторые всеобщие правила, которые непосредственно истекают из его существа и цели. Первое и необходимое свойство всякого рассказа есть *ясность*, которая состоит в том, чтоб все обстоятельства происшествия, сами по себе и по взаимному их отношению, представлены были в надлежащем свете; чтоб они продолжались и раскрывались в порядке натуральном и в свое время. – Историк должен определить их точно и основательно, и не пропустить ничего, что служит к утверждению подлинности происшествия, или, что может показать их с лучшей стороны, дабы тем удобнее возбудить и удовлетворить любопытство читателя. И так под историческою ясностью разуметь должно и *порядок*, и *полноту*.

§3. Не менее похвальна в хорошем повествовании *краткость* в мыслях и выражениях. Она зависит от

правильного понятия о вещах, и от некоторой мудрой скромности в образе пояснения. Сюда принадлежит благоразумный выбор обстоятельств, принадлежащих к главному предмету. Историк избирает из них важнейшие. Опускает не занимательные, и не мучит читателя малозначущими эпизодами и отступлениями. Самый слог исторической не терпит ничего бесполезного и излишнего; приличная краткость доставляет ему живость и выразительность. При сем остерегаться должно, чтоб неумеренное старание, сделать слог свой кратким, сильным и ясным, не сделало его темным.

§4. Занимательность повествования зависит или от важности самого содержания, или от искусного расположения исторических происшествий. Чем более, чем обширнее влияние повествуемого приключения по его связям, обстоятельствам и последствию, чем примечательнее люди, действующие в оном, чем чрезвычайнее и нечаяннее перемены: тем сильнее повествование действует на читателя, тем долее остается оно в памяти. – Самый слог Историка может быть действительным средством к возбуждению внимания, любопытства и участия. Мы в последствии заметили главные красоты исторического слога.

§5. Исторический слог по большей части относится к слогу среднему: умеренные украшения возвышают его пред простонародным; но он редко позволяет себе величавости высокого. Эти красоты заключаются или в самом существе содержания, или в мыслях и оборотах, или в приличной

живописи характеров и местоположения, в котором производится действие, или в чувствах, возбуждаемых трогательными сценами и проч. Кроме того совершенно исторической слог требует какой-то безыскусственной простоты, которую можно почесть лучшим средством для доставления ему живости и силы. Излишество везде вредно. Историк, не умеряющим себя в украшениях, может сделать самую истину подозрительною.

§6. Главныя вспомоществующия части повествовательного рода суть следующие: *характеры* (когда они представляются отдельно), – *жизнеописание* или *биография*, *вымышленныя повествования* и *истинная История*. Мы скажем кратко о каждой из сих частей.

I. Характеры.

§7. Под именем характера разумеем мы собственное отличие всякой вещи, посредством котораго получает она свою видимую отдельность и разнится от всех других предметов. И так характер человека составляют ему только принадлежащая нравственная и физические свойства, а особливо первыя, то есть, врожденныя и приобретенныя способности чувствования, склонности и привычки, образ мыслей и поведения. Главная особенность характеров весьма многообразна; она изменяется по народам, по временам, по состоянию, по возрасту, по образу жизни и воспитания, по духу народа, по темпераментам и привычкам.

§8. На сии – то основы характера должен обращать Писатель особенное внимание; его дело угадать, которыя из

них в том, или другом случае суть подлинныя источники мыслей, чувствований и поступков человеков. Сие разсуждение предполагает в нем дух наблюдательный и глубокое познание сердца человеческого, – плод продолжительнаго чтения, замечаний и опытов весьма многих. Все характеры, взятые из Природы, принадлежат к Истории; но сию почесть заслуживают в особенности те, которые отличаются особливыми великими свойствами. Характеры, совершенно вымышленныя, или слишком обыкновенныя, редко бывают занимательны.

§9. *Изображение характеров* требует верности и правильности, как в целом, так и в самых малейших изменениях и оттенках, точности и живости в образе разговора и действиях, так чтоб ничего не оставалось сомнительнаго и обоюднаго. Они должны сохранить от начала до конца ревность и согласие в поступках и ходе мыслей, вероятность и природу, особливо когда они вымышлены. Чтоб придать им более живости и силы, Писатель представляет их в известной противоположности один с другим. Разительность, краткость и какая-то особенность составляют пленительную красоту таковой живописи.

§10. Характеры истинныя и вымышленныя гораздо чаще могут встречаться в Истории, как часть повествования о многих предметах, или исторических происшествиях. Впрочем на них можно смотреть как на особенный повествовательный род писаний, который имеет целию свою нравоучение посредством добрых примеров. Оеофраст из древних и Лабрюер из новейших писателей отличились в сем роде сочинений.

II. Биография.

§11. *Биография* или жизнеописание есть повествование о судьбе, поступках и свойствах какой-нибудь знаменитой особы. Сей род сочинений требует тех же самых правил, которые упомянуты нами, когда говорили о рассказах и характерах. Прибавим несколько слов. – Биограф должен избирать такие лица, которых жизнь сама по себе занимательна и богата происшествиями, которые или саном своим, или странным стечением обстоятельств и перемен щастия обратили на себя всеобщее внимание. Цель Биографа и цель Историка в некоторых отношениях различны друг от друга. Последний описывает происшествия в связи и порядке; первой более всего смотрит на действующую особу, и старается со всею возможною подробностью отличить разительно ее характер.

§12. Биография, кроме высокого и занимательного, должна иметь еще статьи нравоучительныя и ученые, служащая к распространению познаний. Для достижения сего, Писатель в жизни знаменитой особы избирает только такие обстоятельства, которые могут довести читатели до новых важнейших и полезных замечаний о человеке, или Природе. Между многоразличными случаями жизни, превратностями, слабостями и действиями он описывает особенно те, которые должны служить уроком, или спасительным примером для подражания. Биография оправдывает древнее мнение, всеми принятое, что хороший пример гораздо действительнее всех философских наставлений и правил.

§13. Мы прежде заметили, что *точность* и *любовь к истине* составляют священную обязанность каждого Историка; то

же самое предписывается Биографу, особливо когда его сочинения заключают в себе не вымышленныя, или идеальныя происшествия и лица, но действительныя события, основанныя на вернейших Историках или преданиях. Он должен представить в ясном свете все делания особы, им описываемой, показать начало и влияние оных, отличить заслуги и достоинства без малейшаго пристрастия, не укрывать от читателя недостатков и пороков, наконец упомянуть о намерениях, о дурных и добрых предприятиях, хотя бы оне были неудачны, или служили к помрачению описываемаго характера.

§14. Между обстоятельствами жизни знаменитаго человека есть особенно важныя и не столько важныя. Последныя, для сохранения надлежащей полноты, не должны быть пропускаемы, но упомянуты слегка; другия напротив требуют особливою тщательности и подробностей. Чем более сии обстоятельства имеют связь с одновременными происшествиями какого-нибудь целаго народа, тем более обнаруживаются и разборчивость и труды Историка. В таком случае говорить о народе, который благодетельствован и прославлен Героем, говорить о его влиянии не только не противно вкусу, но и похвально, так как средство, служащее к объяснению целой Биографии; это особенно относится к Мужам, которые произвели новую эпоху в правлениях, в религии, в науках и проч.

§15. *Слог биографической* требует всех тех достоинств (ясности, порядка, живости, свободы), которые необходимы для каждого рода исторических сочинений. Он позволяет себе только скромное украшение, удаляется всякаго панигирическаго и напыщеннаго; – бывает всегда ровен,

цветущ и разнообразен. Особенно биографической Писатель должен отличаться какую-то доброю, естественною простотою в выражениях, не слишком обыкновенных и не слишком искусственных; о некоторых мелких обстоятельствах он только намекает, другия описывает с подробностью, иныя предоставляют догадке читателя.

§16. Образцы в сем роде сочинений между древними: *Ксенофонт, Плутарх, Диаген Лаэртий, Корнелий Непот, Тацит и Светоний*. Между новейшими: *Флешье, Фонтенель, Люд Расин, Вольтер, Варбуртон, Мидлетон, Жонсон, Шрекк, Николаи, Гердер*, и проч.

III. Романы.

§17. Роман бывает по большей части повествование *вымышленное*; но правила в разсуждении расположения и слога суть те же самыя, которыя относятся и к истинным повествованиям. Впрочем сей род принадлежит более к стихотворным, нежели к прозаическим родам; и потому Писатель романа должен знать еще некоторыя наставления Пиитики. Щастливое изобретение главнаго содержания и подробностей, новость и занимательность как в самым происшествиях, так и в образе рассказа, искусство описывать характеры действующих особ, красота и приятность слога: вот необходимыя свойства романическаго повествования.

§18. Вымышленныя повествования отличаются друг от друга их содержанием, формою и слогом. Самыя короткия из них называются *повестями*; а когда их содержание основано на народных рассказах и несбыточных

чудусностях, принимают оне название *сказок*. Главное достоинство их состоит в слоге, который отличается легкостью, натуральной живостию и некоторою простотою. От сказок не требуется ни особливою точности в расположении, ни строгаго вероятия; довольно, если вымысл повествования не останавливает и не оскорбляет внимания своею уродливостию, если он не далее облатей возможности. Времена рыцарския и баснословныя царства Фей суть обыкновенныя магазины для сего рода сочинений.

§19. *Романами* собственно называются гораздо пространнейшия повествования. Их содержание всегда разнообразнее, плодovitее; слог исполнен больших изменений. По существу своему и по правилам сочинения, весьма сходны с героическими Поэмами; но басня романов не имеет ни величия, ни важности Эпопеи; она не представляет нам многих лиц героических и многих подвигов, но по большой части относится к одному человеку. Сверх того чудесное в романе никогда не должно выходить из пределов Природы, что обыкновенно бывает в Поэме, самый слог должен быть менее стихотворным, менее смелым, менее украшенным; он ограничивается приятностями чистой и легкой прозы.

§20. *Содержание* романов бывает или историческое, или совершенно вымышленное, и притом двух родов: или важное, или комическое. Роман рыцарской занимает середину между сими двумя родами. В важных романах Писатель имеет предметом своим живое, разительное изображение Природы и нравственной жизни; он старается занять, тронуть и научить читателя. Комический род романов посвящен увеселению, посредством смешнаго, страннаго, нелепаго и чудеснаго. Все

согласны в том, что для сочинения забавного романа гораздо более требуется силы изобретения и какой-то разительной оригинальности в характере и духе Писателя; впрочем тот и другой род равно предполагает глубокое познание человеческой природы и богатое воображение.

§21. Прежде всего Сочинитель должен сделать хороший выбор содержания для своего романа. Пусть оно изобилует любопытными случаями, привлекательными и разнообразными характеров и мест описаниями; потом обращает он свое внимание на приведение в действие своего вымысла; для сего нужны благоразумный план и искусство изъяснять свои мысли и чувства, – искусство трудное и обширное! Прибавьте к сему некоторыя правила Эпической и Драматической Поэзии. Потребен великой талант, чтобы избрать соответственное цели расположение; чтоб знать место и меру для каждого эпизода; чтобы удачно составить завязку и развязку; чтобы живописать страсти в надлежащей их силе и степени; одним словом, чтобы уметь сохранять от начала до конца возбужденное внимание читателя, питать его воображение безпрестанно новою пищею, и ни мало не утомляя, держать в непрерывном движении силы и способности души и сердца.

§22. Из всего этого видно, что романы по многим отношениям принадлежат к родам стихотворным. Самая цель их должна быть двоякая: нравиться и научать, действовать на воображение и на чувства. Роман тем совершеннее, чем более он удовлетворил сим требованием. Приятность не состоит в искусстве забавлять, и нравоучение не заключается в одних книгах воспитания; оне живут в прелестном подражании Природе, которая представляет неистощимое богатство для занятия воображения,

непреложныя правила для нашего сердца и благородную работу для нашего ума. Таким образом чтение романов может образовать и вкус и чувство; оно ознакомит нас с обычаями света и человеческою природою; оно доставляет нам времяпровождение невинное и приятное. Роман, в котором торжествует порок, в котором царствуют обольстительное распутство и дурныя страсти, достоин всеобщаго презрения.

§23. *Форма и одежда* романов весьма многообразны, и часто самое сие изменение возвышает их достоинства:

1) *Историческая*, или повествовательная, особливо в тех случаях, когда надобно представить происшествие просто в его продолжении, связи и подробностях.

2) *Драматическая*, или разговорная, – там, где главное искусство Писателя устремлено на живопись характеров. Та и другая форма романов могут быть иногда вместе. Романы бывают также в письмах; действующия особы переписываются между собою, и в порядке их переписки сохраняется порядок, которому следовало происшествие.

§24. Романы у древних не были известны (разумеется, в том виде, в каком они ныне существуют); все вымышленныя повествования Греков и Римлян облакаемы были в одежду Поэзии. – От поздних времен древности остались нам творения Греческих Писателей: *Гелиодор, Ахиллес Тациус, Лонгус, Евстафий, Харитон, Ксенофон, Аристинет и Альцифрон*. Сюда же некоторым образом принадлежат отрывки *Лукиана и Апулея*.

§25. Вскоре по восстановлении наук явились у всех народов романы, писанные по большей части стихами.

Почитаем излишним приводить здесь великое множество Автор, которые занимались сим родом сочинений. – Довольно вспомнить о важнейших. Между Испанцами отличились: *Сервант, Квеведо и Гуртадо де Мендоза.*

§26. Из великаго множества старых *Италиянских* романов ни один не заслуживает особливаго внимания. В самое цветущее время Литературы своей Италиянцы ограничивались краткими прозаическими повестями. – Знаменитейшие Писатели в сем роде *Бокачио, Банделло, Джиовани, Цинтио, Санзовино, Страпароля и Сакчетти.* Новейшие романы Италиянцев суть по большей части подражание, или переводы иностранных; сочинения Хиари и других все почти весьма продолжительны и скучны.

§27. Первые романы Французов относятся ко временам возраждающейся Литературы. Предпоследнее столетие доровало им истинное достоинство и занимательность. Между безчисленным множеством романистов отличаются: *Прево, Мариво, Лесаж, Кребийльон, Руссо, г-жа Риккобони, Вольтер, Мармонтель, д' Арно, Флориан, г-жа Жанлис, г-жа Сталь,* и проч.

§28. Между Англичанами роман достигнул большого совершенства посредством вернаго и точнаго изображения человеческой природы, также превосходными нравоучениями и силою чувствований, действующих на душу читателей. Кто не знает *Ричардсона, Филдинга, Стерна, Голдсмита, Мисс Бурней* и проч. ?

§29. В Германии писали романы очень давно, но самые древнейшие показывают все почти недостаток вкуса; за то

в новейших романах Немцы сравнились со всеми лучшими народами. Отличные Писатели в сем роде: *Галлер, Виланд, Гете, Николаи, г-жа Ларош, Гермес, Душ, Миллер, Мейснер, Везель, Шуммель, Музеус, Юнг, Смит, Август Лафонтень и Коцебу.*

IV. История.

§30. Главныя правила историческаго повествования, или История, показаны нами прежде; теперь упомянем еще о тех немногих, которыя относятся к так называемой подлинной Истории. Поелику область ея весьма обширна, поелику она обнимает все происшествия, взятые из Природы, из жизни гражданственной, из церковнаго и ученаго света: то и применение сих правил, смотря по разности предметов, должно быть весьма многообразно.

§31. Впрочем, как бы предметы Истории различны не были, всегда находятся они в известной связи, а потому имеют многия, общия всем, свойства. Искренность, любовь к справедливости, безпристрастие, отроумие и быстрый пронциательный взгляд, точность и постоянное терпение при разсматривании происшествия, свобода от всех страстей, то всех изступлений воображения, сведения о всех других Государтвах и народах, богатство в источниках верных, здравый разум и глубокое познание сердца человеческого: вот существенныя качества и способности хорошаго Историка!

§32. Материалы Истории бывают различных родов. К ним относятся или отдельныя случаи, обстоятельства и приключения; или исследование причин и источников, от

которых они произошли; или открытие следствий, могущих впредь случиться; или речи, которые говорили действующия лица, или по крайней мере могли бы говорить по вероятности; или описание примечательных стран, земель и мест, или наконец рассуждения самого Писателя, выведенныя из происшествия, и приличныя отступления, относящиеся к лицам, временам и местам, о которых говорится. Обыкновенно все сии материалы соединены бывают в хорошей Истории.

§33. В сем случае, так как и везде, Автор должен наблюдать необходимо нужную полноту, выбор и связь; сообразно своей цели, он соединяет и располагает целое творение. Историческое *единство* требует, чтобы в слог повествовательном все происшествия, случаи и обстоятельства приведены были к одной всеобщей точке зрения. Намерение Историка состоит или в научении, или в удовольствии. Оно никогда не теряет из виду главного происшествия; но, чтобы сильнее доказать его подлинность и истину, должно доказать истину всех частных приключений, которыя к нему относятся; я разумею под сими словами все случаи, все описания мест и времени, все побудительныя причины, порядок, влияние и следствия их отдаленныя. И так истинный Историк должен быть вместе и Политик.

§34. *Привязанность к истине и безпристрастие* Историка могут обнаружиться в описании характеров, которые выводит он на сцену. – При сем случае старается он показать подлинную степень их влияния, сокровенныя причины, образ сама о действия и избираемыя ими средства к достижению цели. Говоря о заслугах, обязан он к представить их, не возвышая и не унижая.

§35. Философ обыкновенно поясняет свои истины примерами историческими; Историк напротив того самое происшествие старается украшать краткими *рассуждениями*, особливо когда надобно открыть тайныя причины отдаленных или близких следствий. Сие искусство, кроме основательности в доказательствах, требует умеренности скромной и благоразумной. Такия рассуждения должно позволять себе, сколько можно, реже, и давать случай читателю самому пользоваться догадкою. Самохвальство, самоуверенность и напыщенное красноречие здесь совсем не прелично.

§36. Об отступлениях исторических мы говорили прежде; оно особенно пристойны повествованиям происшествия отдельнаго, ограниченнаго известным продолжением времени. В таком случае необходимо нужно знать о всех посторонних происшествиях, относящихся к главному; постепенное и подробное их раскрытие также должно соответствовать видам целаго. При всех сих обстоятельствах и отступлениях, Писатель никогда не забывает главного своего намерения; оно изображаются как части подчиненныя и принадлежащия важнейшему происшествию, для котораго служат токмо объяснением.

§37. В начале Истории обыкновенно представляется *вступление* в Историю. Сочинитель предварительно знакомит читателя с содержанием своего сочинения, и старается возбудить в нем всю потребную внимательность и участие к предмету, им повествуемому. Часто необходимо нужно бывает начать Историю описанием обстоятельств, предшествовавших главному происшествию, при чем упоминается также о нравах, обычаях и естественном

состоянии той земли, в которой оно случилось; о времени, к которому оно относится, и о лицах в нем действовавших; иногда, вместо всякаго предисловия, представляется читателю сокращение всего того, что он после рассказывать будет, дабы заблаговременно поставить его в надлежащую точку зрения, и снабдить нужными предварительными сведениями.

§38. В повествовании историческом очень много значит *порядок*, в котором происшествия располагаются, или следуют друг за другом. Сей порядок баваает двоякой: а) порядок времени, или хронологического последствия; б) порядок самих происшествий, основанный на внутренней их связи. – В последнем случае Историк часто принужден бывает обращать взоры назад в отдаленную древность, или описывать современное, или представлять в догадках будущее, для того чтобы доставить повествованию надлежащую полноту. Впрочем выбор того или другого порядка зависит от существа Истории, или от особенной цели Историка. То и другое требует заблаговременное начертания плана, по которому назначается место для каждого частнаго происшествия.

§39. О слоге, приличном собственно так называемой Истории, то же можно сказать, что мы сказали прежде о слоге повествовательном вообще. Он отличается от Ораторскаго какою-то умеренностью и хладнокровием; но правильность и красоты ему также необходимы. – Оне должны быть соединены с точностию и краткостию. Изменяя, которая дозволяют себе исторической слог и которая доставляют ему свободу, приятность и занимательность, происходят по большейчасти от

вышесказанных нами различий самага содержания; сие последнее определяет слог и меру творения историческаго.

§40. Одна из преимущественных красот Истории есть живопись, или искусство представлять происшествия так разительно и живо, как будто бы оне находились пред нашими глазами. Она особенно может встретиться в рассказе; она состоит в драгоценной способности замечать характерестические черты предметов и представлять их кратко и сильно. Это предполагает в сочинении приличной выбор, расположение и новую связь происшествий. Сюда принадлежат также речи, разговоры, свидания занимательных мужей и занимательныя положения, в которых представляются сии последние.

§41. Дли приобретения истиннаго историческаго искусства потребно изучение лучших Историков. В сем намерении упомянем мы здесь о тех Историках, которые отличились не только существенными качествами своих сочинений, но и самую одежду мыслей, достойною нашего подражания. Таковы суть, кроме творцов исторических книг Священнаго Писания, следующие между Греками: *Геродот*, *Фукидид*, *Ксенофонт*, *Дионисий Галикарнасский* и проч.

§42. Из Римлян особенно замечательны: *Цесарь*, *Салюстий*, *Ливий*, *Тацит* и *Светаний*.

§43. В средния времена являлось великое множество исторических сочинений, которая впрочем, со стороны вкуса и слога, не имеют почти никакого достоинства. Из них на латинском языке заслуживают внимание творения Президента *де Ту*. К лучшим новейшим Историкам можно

причислить между Испанцами *Мариана* и *Антонио де Солис*, между Италианцами: *Гикчиардини*, *Адриана*, *Бентиволио*, *Давили*, *Махиаделя*, *Анжело ди Костанзо* и проч.

§44. Во множестве Французских Историков отличаются: *Роллен*, *Кревье*, *Юоссюэт*, *Верто*, *Миллот*. *Вольтер*, *Рейналь* и проч.

§45. Англичане доставили Истории особенную красоту и важность, или лучше сказать, возвратили ей то достоинство, которое имела она у древних. Сюда принадлежат: *Бюрнет*, *Юм*, *Робертсон*, *Голдсмит* и *Гиббон*.

§46. Немцы, прославившие себя во всех почти родах сочинений, и по сию пору не могут сравниться с другими народами изобилием хороших Историков. Сему недостатку старались помогать *Шрекк*, *Шлецер*, *Шмит*, *Миллер*, *Мейснер*, *Шиллер*, *Архенгольц*.

§47. Между Россиянами: *Нестор*, *Ломоносов*, *Эмин*, *Татищев*, *Елагин*, *Щербатов*, *Штриттер*, *Карамзин* и проч.

VI. РЕЧИ ОРАТОРСКИЯ.

§1. Слово речь в тесном смысле означает рассуждение, составленное по правилам искусства и назначенное к изустному произношению. Сие рассуждение заключает в себе одну какую-нибудь главную мысль, которая объясняется, или доказывается для убеждения слушателей. Слушатель может быть убежден очевидности предлагаемых истин, изчислением вероятных причин и силою доводов или доказательств. Завидной талант составлять такого рода сочинения, соединенный с способностью произносить их приятно и убедительно, называется вообще *Красноречьем*, обладающий всеми дарованиями, для того потребными, называется *Оратором*.

§2. Речи, по их *содержанию и намерению*, бывают различных родов. Главное содержание Речи может быть или общее, или частное; общее бывает теоретическое, или практическое. Частное имеет еще многие виды. По сим отношениям, есть Речи *духовныя*, в которых предлагаются истины и обязанности Религии; есть речи *политические*, в которых Оратор рассуждает о выгодах, отношениях и потребностях общества; – *судебныя*, где защищается невинно притесненный, или обличается преступник; *похвальныя*, заключающия в себе похвалу заслуг умерших, или живых знаменитых особ; – *академическия* Речи, касающияся до ученых предметов, из природы, или наук. – У древних все Речи разделялись на три рода, на *похвальныя*, *советовательныя* и *судебныя*.

§3. Речь, принятая вообще, весьма много сходствует с

рассуждением, о котором говорили мы прежде, и многия правила сего рода сочинений могут быть к ней принаровлены. – Однако цель оратора простирается далее, нежели цель Философа, предлагающаго просто свои рассуждения. Сей последний доволен ясным изложением своего предмета: связь и порядок, сохраненные между мыслями, составляют для него орудие к убеждению. Оратор напротив того старается не только убедить разум, но особенно хочет действовать на волю. Убеждение разсудка служит ему средством к достижению цели, – к сильнейшему воспламенению страстей.

§4. Внутреннее и наружное расположение Речи вообще зависит от свойства *предмета*, в ней предлагаемаго. Сей предмет не всегда бывает единственно главным содержанием сочинения: оно изменяется до бесконечности, точно также, как намерения Оратора; впрочем *правило единства* должно быть ненарушимо. Содержание сочинения не всегда зависит от выдора Оратора; бывают случаи, в которых он обязан говорить вдруг, не приготовясь, и все его искусство ограничивается одним благоразумным расположением данной уже материи.

§5. В Слове или Речи заключаются три намерения Оратора: *научение, убеждение, и искусство тронуть слушателя*. Все сии намерения должны быть соединены в одно, и служить друг другу взаимным пособием. Представляя предмет со всею ясностию и подробностию, мы научаем, и в то же время убеждаем разум справедливостию, или, по крайней мере, вероятностию наших доводов. Сие научение

и убеждение действуют в то же время на нашу волю, заставляют нас принять участие в предмете, представляемом Оратором, управляют нашими склонностями, и производят в нас или привязанность, или отвращение.

§6. Все отдельные части Слова должны непременно споспешествовать к достижению одной троякой цели. Посредством *вступления*, расположенного сообразно с главным содержанием всего сочинения и отличающегося краткостью и скромностью, Оратор старается заранее приготовить дух и сердце слушателя к разбираемому им предмету. Часто случаются такие обстоятельства, что Вития совсем оставляет вступление, и прямо входит в материю, о которой должен говорить. Вторая часть Речи называется *изложение* или *разсуждение*, или просто рассказ какого-нибудь происшествия. Сюда принадлежат также доказательства, или риторические доводы, которых выбор и сущность зависит от самого предмета, и которыми Оратор или защищает свое мнение, или опровергает чужое. Наконец следует заключение, в котором все доказанные истины снова повторяются с большей силою и убедительностью, дабы остановить мнение слушателей на своей стороне, и утвердить в тех чувствах, которыми исполнен сам Оратор.

§7. Мы сказали, что убеждение в Речи производится посредством *доводов и ясного представления предмета*. Сие последнее состоит в разобраннии мнений или происшествий, запутанных и темных, в объяснении понятий скрытых или неизвестных. Если сии последние сами в себе заключают очевидность истины, то они не требуют больше никаких особенных доказательств; и если в таком случае

употребляются доказательства, то конечно с намерением доставить случай читателю сравнивать одни с другими, для взаимного их подкрепления. Непосредственная или умозрительная очевидность проистекает или из аксиом, которые сами по себе ясны, или зависит от самоуверительного гласа совести и чувствований, или следует из определений здравого разсудка. Таковые роды очевидности в науке обыкновенно различаются: очевидность бывает или *метафизическая*, или *физическая*, или *нравственная*.

§8. Убеждение посредством доказательств проистекает из двух главных источников, а именно: из неизменных свойств и отношений между всеобщими понятиями, или из действительного, хотя изменяемого хода вещей. На сем-то основывается известное оное разделение доказательств на два рода, из которых один зависит от понятий чистых (a priori), а другой от опыта или действительных обстоятельств происшествия (a posteriori). Оратор гораздо чаще употребляет доказательства последнего рода, оставляя первой Философам.

§9. Доказательства, основанные на опытах, зависят или от чувствований, как внутренних, так и внешних, или от воспоминания. Хотя опыт не ограничивается познаниями, почерпаемыми из оных же двух источников; однако всегда почти утверждается на сравнении обстоятельств, на связи и на принаровках. Вспоминая прошедшие случаи, которые касались других людей, мы разсуждаем о настоящем, и даже осмеливаемся угадывать будущее. Сии случаи, подтвержденные веками и неоднократно повторенные в самых своих последствиях, становятся собственным нашим опытом,

непреложным и верным. Напротив того обстоятельства настоящих, часто не доконченных, будучи подвержены влиянию времени и других обстоятельств, служит только к тому, чтоб заставить нас думать, и выводить вероятныя умозаключения.

§10. Сюда же принадлежат хотя не столько надежныя, но часто употребляемыя доказательства по аналогии, в которых о существе вещи судим по ея сходству и отношениям с другими предметами. Чем виднее сие сходство, тем довод сильнее; впрочем надобно помнить, что таковыя доказательства сами по себе не имеют надлежащей точности, и только могут приобретать некоторую степень вероятия и силы; особенно употребляются они в опровержениях чуждаго мнения. Сюда причислить должно также примеры, которые служат пояснением доказательствам.

§11. *Историческое доказательство* основывается на свидетельстве или преданиях, заключающих в себе опыты и чувствования других людей. Достоинство их зависит от большей или меньшей степени уверенности в свидетелях, в признаках, в Историках, также от существа предмета, от намерения, с которым нам об ней сказывали, от времени и обстоятельств. Среди которых оно случилось.

§12. Оратор должен иметь в виду одну только силу и важность доказательств, но и самое их место и порядок. обыкновенно впереди полагаются легчайшия и удобнейшия для понятия; за ними мледуют те, которыя труднее, представленныя со всею возможною подробностью, и объясненныя в самых нежных своих оттенках; смотря по силе

и разительности, оне располагаются в порядке до самого заключения Речи так, чтобы собственным своим достоинством и принаровками к действительному образу жизни человеческой производили сильнейшее влияние на сердца слушателей, и совершенно утвердили их в тех мыслях и чувствованиях, которыми исполнен сам Оратор. Сверх того сии доказательства, так как и другия части Слова и Речи, требует самой натуральной связи между собою, и легких, непринужденных пререходов от одного к другому.

§13. Оратор должен действовать не на один только разум человека, но и на все его *душевыя силы*. Он старается особенно воспламенить воображение слушателя, дабы таким образом привязать к себе все его внимание. Новость, красота, важность и возвышенность мыслей, так как и одежда их, служат самым действительным к тому средством. Живыя, разительныя картины много способствуют к самому убеждению ума человеческого. Подобным образом действует Писатель на память; чем подробнее, полнее и, так сказать, существеннее изображение предмета, тем легче можно понять его, и долее удерживать в памяти. К тому же способствует соблюдение порядка легкаго, свободнаго, естественнаго во всех частях сочинения.

§14. Самое важное дело Оратора, желающаго обладать сердцами своих слушателей, есть *возбуждение страстей*. Оне оживляют все наши мысли и воображение. Цель Автора делается целью самых слушателей; его склонность и желание становятся общими склонностями и желаниями. Мы не только одобряем его советы, но с великою охотою готовы стремиться, куда он нас призывает; готовы действовать вместе с ним, а особливо когда он умеет с одной стороны убедить нас в

выгодах предлагаемого им мнения, а с другой стороны представляет легчайшее средство к достижению конца.

§15. Главное средство возбуждать страсти есть живое изображение предмета и обстоятельств, к оному принадлежащих. Чем вероятнее рассказано происшествие, чем представлено разительнее, чем более оно имеет отншений к самым слушателям, или по времени, или по месту, или по лицам, о которых говорится, или наконец по следствиям, могущим произойти; тем сильнейшее имеет влияние, тем более возбуждает участия, страсти, изступления. Оратор иногда основывает возбуждение страстей на нравственных понятиях о чести, справедливости, славе, любви к отечеству.

§16. Искусство состоит не в одном только воспламенении страстей, но и в *утолении* оных, – разумеется тех, которые противны цели Оратора. В таком случае старается он уничтожить побудительныя причины противной страсти, или по крайней мере ослабить ея влияние, или заменить одну страсть другою, более благоприятною. Часто довольно одного *смешного*, для опровержения самых важных предложений; часто важной, спокойной вид противника уничтожает все колкия насмешки искуснаго Оратора. Надобно со всею быстротою, со всею ловкостью предупреждать, останавливать, или ослаблять всякое нечаянное нападение неприятеля; надобно знать все его выгоды и невыгоды точно также, как свои собственные, и сообразно тому располагать свои действия.

§17. Для успешнаго управления страстями, Оратору необходимо нужно глубокое *познание сердца человеческого*,

познание каждой страсти особливо, ея тайных побудительных причин, ея хода, действия в многообразных порывах и изменениях. Кроме того, он должен быть живо проникнут теми самыми чувствами, которыя хочет возбудить в других; он должен быть уверен в той истине, в которой хочет уверять своих слушателей; он не выпускает из виду и собственных своих к ним отношений, измеряя их уважение к себе, их доверенность, их благорасположение. Подозрение, или предупреждение слушателей против Оратора может сделать недействительными самая величайшия усилия блистательнаго красноречия.

§18. *Слог* Речей изменяется до бесконечности, сообразно их содержанию. Оратор употребляет все три главные рода слога, как то *простой* или *народный*, в объяснении своего дела, в предложениях, или разбирательствах мнений; – *средний*, для того, чтобы некоторыми приличными украшениями заменить сухой и скучной образ доказательств и объяснений, чтобы оживить его картинами, описаниями и разсуждениями, – и наконец *высокой*, в тех местах, где господствует страсть, где употребляется все, дабы воспламенить воображение и потрясти сердце. Много действует Ораторское благозвучие, особливо там, где потребна особенная сила, и где, так сказать, истощаются все способы истиннаго красноречия.

§19. Когда Речи определены к изустному произнесению, то Оратор должен не забыть об искусстве *провозглашения*. Оно требует громкости и светлости в голосе, приятных изменений при повышении и понижении онаго, его скорости и протяжности, и наконец возможнаго согласия тонов с содержанием речи и со страстями, в ней царствующими. Для

достижения сего искусства, много способствует природная гибкость и заблаговременное образование органов голоса, частое упражнение, внимательное наблюдение природы и внутреннее живое чувство.

§20. Сверх того к искусству Оратора принадлежат *телодвижения* или *наружные действия*. – Приличный вид, положение, выразительность и перемены лица, обращение рук и движение всего тела должны соответствовать содержанию Речи и оживлять каждое слово. В сем случае изучение Природы и изучение собственных чувств гораздо более помогут, нежели теоритическия правила. Телодвижение Оратора должно некоторым образом не только обрисовывать характер его, но и всякую мысль и чувство. Он избегает всего излишняго и безобразнаго, всего того, что могло бы сделать его смешным.

§21. Теперь уже видно, какия главныя качества и дарования требуется от Оратора, если он хочет достигнуть своей цели. Между дарами врожденными должны отличать его: гений, наблюдательной взор, быстрое остроумие, вкус, высокость духа, воображение, память, сила чувствований, и наконец сила, приятность и гибкость органа. Между способностями приобретаемыми: познание человеческой природы, здравая Философия, сведения Истории и всеобщия Литературы, опытность в риторических правилах, и частое упражнение в сочинении Речей и изустном их произнесении.

§22. До сих пор предложенныя правила касаются *вообще Речей*, и могут быть принаровлены к каждому их роду; мы скажем об них несколько слов. – *Политическое Красноречие*, котораго употребление ныне не столь обширно, как было в

древния времена, требует от Оратора точнаго и подробнаго сведения о правах и выгодах своего отечества. Он должен иметь основательное понятие обо всем, что служит к его пользе и вреду. Он предвидит все спасительныя средства к общему благу. Он всегда богат в твердых доказательствах на все свои предложения, в надежных планах к исполнению оных; его отличают мужество и решительность к преодолению всех препятствий и затруднений. Он должен быть свободен от своекорыстия, от всех страстей и от частных привязанностей.

§23. *Судебное Красноречие* предполагает основательное познание Естественнаго и Гражданскаго Права; сверх того, полное и ясное понятие о том деле, которое составляет предмет Речи. Оратор должен знать отношения и нравственность характеров, состояние и обстоятельства обвиняемаго и защищаемаго. Законы совести требуют, чтоб он представил весь процесс без всякой перемены, опущений или прикрытий. Он может употребить в свою пользу все благородныя средства, дабы убедить разум Судей и тронуть их сердце.

§24. Если главное намерение *духовнаго Красноречия* состоит в утверждении Христианских истин посреде церкви, в показании благоденний и обязанностей Религии, в воспламенении благодарных чувствований к ея Начальнику, и в распространении чистой, святой нравственности; то духовный Оратор особенно должен стараться избирать такия предложения, которыя соответствовали бы совершенное сему намерению. Не занимая слушателей пустыми умозрениями и спорными догматами, он показывает только то, что клонится к истинному нашему благу, к щастливой и

честной жизни. Он наблюдает всегда такой порядок и ясность, чтоб быть понятным для каждого состояния людей, не унижая однако достоинства своего предмета слогом низким или народным. Наконец он должен возбуждать не простые, скоропроходящая чувствования, не суетные желания, но постоянные, непоколебимые, небесные страсти к добру, подкрепляющая странствующаго человека по скользкому пути сей жизни.

§25. Происхождение Красноречия относится к первым временам общественной жизни, хотя оно было тогда более даром Природы, нежели плодом искусства. Когда Греки составили из Красноречия науку, тогда явились между ними собственно называемые Ораторы, которые употребляли свое искусство или в делах Государственных, или в судебных изследованиях. Славнейшая Речи, до нас дошедшая, принадлежат *Димосфену, Эсхину, Лизиасу* и *Исократу*.

§26. С таким же намерением Красноречие совершенствовано было у Римлян, которых можно назвать

счастливыми подражателями Грекам. Удивительный образец в сем искусстве есть *Цицерон*. Между прочими, до нас дошедшими, Речами отличается Слово младшего *Плинея*. Речи *Квинтилиана*, в подлинности которых сомневаются, можно более назвать Разсуждениями, нежели Речами.

§27. Между Италианцами нет почти ни одного Оратора, который заслужил бы блистательную славу; гораздо более успели Французы, а особливо в судебных, похвальных, Академических и духовных Речах. Знаменитейшие: *Фонтель, Томас, Бурдалу, Массильон, Боссюэт, Флешье* и *Сорень*.

§28. Между Англичанами существует еще до сих пор политическое или судебное Красноречие в настоящем совем виде. В числе отличных Ораторов считаются: *Тилотсон, Стерн, Блер, Питт*. Немцы также не произвели ничего особеннаго в сем роде. Упомянем *Мосгейма, Крамера, Шлегеля, Шпалдинга, Лафатера*, которые преимущественного прославились. Из Русских более известны: *Феофан Прокопович, Ломоносов* и другие.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ В РИТОРИКУ.

I. ВСЕОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРОЗАИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ.

II. ПРАВИЛА О СОЧИНЕНИЯ ПИСЕМ.

III. О ДИАЛОГАХ ИЛИ РАЗГОВОРАХ.

IV. УЧЕБНЫЯ СОЧИНЕНИЯ.

V. ИСТОРИЯ.

I. Характеры.

II. Биография.

III. Романы.

IV. История.

VI. РЕЧИ ОРАТОРСКИЯ.